

Яков Богомолов. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Яков Богомолов. Максим Горький

[ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА]

Яков Сергеевич Богомолов.

Ольга Борисовна, его жена.

Никон Букеев, землевладелец, похож на актёра, бритый, ленивый.

Нина Аркадьевна, вдова инженера.

Онкльжан. (дядя (франц. oncle) – Ред.)

Борисладыгин, молодой человек со средствами.

Верочка Трефилова, родственница Букеева.

Дуняша, горничная.

Стукачёв, лакей.

[I ДЕЙСТВИЕ]

Хутор Букеева. Большая комната – часть задней стены её вся из стёкол, выходит на террасу, тоже застеклённую. В правой стене две двери в комнаты Якова и Ольги, в левой – комнаты Букеева. В правом углу – фонарь, он, обрезав террасу, выходит в сад. В нём стоят широкие тахты, низенькие столики для кофе и табака, – небрежная претензия на восточный стиль. На стенах большой комнаты много картин, этюдов, разные полочки, на них статуэтки, вазы, фарфор и тут [же] образцы различных горных пород. Всего много, но всё размещено безвкусно, неумело. Мебель разнообразна, немало дачной, плетёной. Комната служит столовой, – посреди неё большой овальный стол. В левом углу письменный стол.

Утро, только что взошло солнце. Сквозь стёкла террасы видны рыжие холмы на горизонте, тополя и кипарисы в саду. На террасе сидит в плетёном кресле Верочка Трефилова, закутана в серую шаль. Она встаёт, смотрит сквозь стёкла, приложив к ним лицо и ладони, уходит влево по террасе. Затем в двери террасы является Богомолов, отпирает дверь, торкается в дверь столовой. Он одет элегантно, легко и красиво движется, у него остренькая бородка, большие глаза задумчивы и насмешливы. Разговаривая, он всегда смотрит прямо в лицо собеседника. Но на всём, что он делает, есть налёт какого-то комизма или чего-то детского. Из правой двери выходит Верочка, отпирает дверь.

Богомолов. Спасибо. Уже встали или ещё не ложились?

Верочка. Не ложилась.

Богомолов. Бессонница? (Снимая перчатки.)

Верочка. Жалко было спать в такую ночь. А Ольга Борисовна осталась в городе?

Богомолов. Да, она с Букеевым и компанией.

Верочка. А вы – верхом, один?

Богомолов. Один.

Верочка. Я видела вас в степи.

Богомолов. Да?

Верочка. Я всю ночь сидела на террасе.

Б о г о м о л о в. Не холодно? После полуночи дул ветер. А что нельзя сварить кофе?

В е р о ч к а. Я сейчас сварю. (Быстро уходит.)

Б о г о м о л о в. Позвольте, зачем же вы? Вероятно, Дуняша уже встала?

В е р о ч к а (невидимая). Ничего.

Б о г о м о л о в (смотрит вслед ей, насвистывая, озабоченно думает вслух). Очень милая девушка... Утром очень хорошо встретить такую... сама точно утро. (Ходит, разглядывая картины, напевает.)

С т у к а ч ё в (входит, кланяясь). Доброе утро.

Б о г о м о л о в. Стукачёв? Что вы?

С т у к а ч ё в. Намерен комнаты убирать.

Б о г о м о л о в. Намерение, вполне достойное своей цели. Желаю успеха. Вы - женаты?

С т у к а ч ё в. Не имею счастья, но вскорости хочу.

Б о г о м о л о в. Все, не имеющие счастья, жаждут такового. Я вам мешаю?

С т у к а ч ё в. Помилуйте.

Б о г о м о л о в. Милую. (Уходит на террасу.) Вы стихов не пишете?

С т у к а ч ё в (ухмыляясь). Зачем же-с?

Б о г о м о л о в. Ясно, что не пишете, - те, которые пишут, не спрашивают - зачем.

С т у к а ч ё в. У нас повар был - он писал. Смеялись над ним.

Б о г о м о л о в. Смеялись?

С т у к а ч ё в. Весьма. Даже до свирепости доводили его. А Никон Васильич однажды ударили его по затылку палкой...

В е р о ч к а (вносит кофе). Вы слышите - едут!

Б о г о м о л о в. Благодарю вас, милый человек... Но - глаза у вас покраснели от бессонной ночи и лицо бледное...

В е р о ч к а. Умоюсь - пройдёт. (Уходит поспешно, по пути заг[лядывая] в зеркало.)

С т у к а ч ё в (осторожно). Они плакали, вот отчего глаза у них... Я иду через кухню, а они стоят у окна и - плачут.

Б о г о м о л о в. Девушки часто плачут беспричинно.

С т у к а ч ё в. Скука, главная вещь. Пойду встречу...

Б о г о м о л о в (помешивая кофе, напевает).

Сегодня и завтра...

(На террасу шумно входят Ольга, Нина, Букеев, Ладыгин, дядя Жан.)

Л а д ы г и н (Нине). Мы, спортсмены, на всё смотрим с чисто физической точки зрения...

Б у к е е в. Седьмой час, а уже начинается жара.

О л ь г а. Это вы воображаете.

Б у к е е в. Не люблю юг...

Н и н а. А кого вы любите?

Дядя Ж а н. Не скажет. Но я знаю кого.

Б у к е е в. Ты всё знаешь, кроме того, что должен знать.

Д я д я Ж а н. Не сердись, Юпитер.

О л ь г а (мужу). Давно дома?

Б о г о м о л о в. Несколько приятных минут.

О л ь г а. Что ты делал?

Б о г о м о л о в. Здесь? Беседовал со Стукачёвым – решительно умный человек. А теперь пью кофе. Хочешь?

О л ь г а. Молока. Никон Васильевич, скажите, чтоб дали холодного молока.

(Букеев уходит в дверь направо.)

Л а д ы г и н. Холодное молоко – вчерашнее. Выпейте парного.

О л ь г а. Это противно. Стукачёв, позовите Дуняшу ко мне. (Идёт в свою комнату.)

Н и н а (Богомолову). Почему вы сбежали от нас, учёный?

Б о г о м о л о в. Камо бегу от лица твоего?

Н и н а. Борис Петрович, учёный перешёл со мной на ты!

Л а д ы г и н. Поздравляю вас!

Д я д я Ж а н. Это он по рассеянности, не больше.

Л а д ы г и н (Ж а ну). Вы – купаться? Я тоже...

Н и н а. Мы утомляем вас своим легкомыслием? да?

Б о г о м о л о в. Внимание дамы не может утомлять.

Л а д ы г и н. Ого! А если ей – за сорок?

Н и н а. Бухнул! Идите в море и не мешайте нам. Я страшно люблю беседовать с Яковом Сергеичем, ни за что не поймёшь, шутит он или серьёзно говорит.

Д я д я Ж а н. Вот жизнь, она тоже...

Л а д ы г и н. Идёмте, философия не удаётся вам.

Н и н а. Знаете, – ваша супруга зверски кокетничает с Букеевым.

Б о г о м о л о в. Да? Зверски?

Н и н а. О! Страшно!

Б о г о м о л о в. Это кому – Букееву страшно?

О л ь г а (входя). Я очень извиняюсь, но мне лень переодеваться, ничего? я напьюсь молока и лягу спать... А ты?

Б о г о м о л о в. Пойду купаться.

Яков Богомолов. Максим Горький gorkiymaxim.ru

О л ь г а. Ну, а что ж твоя вода?

Б о г о м о л о в. Вода будет, найду.

О л ь г а. Вот – смотрите: он только что убил три года жизни на то, чтоб бороться с сыростью, – осушал болота в Рязанской губернии, а теперь лет пять будет разводить сырость здесь.

Б о г о м о л о в. Подожди, когда Букеев построит курорт...

О л ь г а. Мне вовсе не интересно, что и где намерен строить Букеев...

Н и н а. Однако вы с ним так кокетничаете, что у него даже уши становятся синими.

О л ь г а. Уши у него – как у пуделя, без хрящей... точно блинчики. Но – кокетничать я люблю.

Н и н а. Яков Сергеич, это плохо – кокетничать?

Б о г о м о л о в. Это – хорошо или дурно глядя по тому, насколько умело кокетничает женщина. Если она проявляет своё обаяние в формах изящных, если каждое слово, движение, взгляд даёт мне, мужчине, ощущение таинственной силы её пола – это прекрасно. В такие минуты весь напрягаешься, точно солдат на параде пред любимым вождём, чувствуешь себя готовым на подвиг...

Н и н а. Господи! Целая лекция...

О л ь г а. Вы думаете, он действительно может чувствовать что-нибудь подобное? О нет, он обо всём интересно говорит, но чувствовать – это не его специальность.

Б о г о м о л о в. Хорошо она рекомендует меня?

Н и н а. Не верю! Слова рождаются чувствами. Продолжайте, Яков Сергеич, она может идти спать.

О л ь г а. Ты что же, водопроводчик, не предлагаешь мне кофе? Сам пьёт, а...

Б о г о м о л о в. Но ведь ты хочешь молока.

О л ь г а. Эгоист...

Б у к е е в (вх[одя]). Прислуга ещё дрыхнет. Я там всех распёк и Анну Васильевну тоже. Хозяин давно на ногах, мало того – ночь не спал...

Н и н а. В трудах великих...

Б у к е е в. А вы думаете, легко сделать жизнь приятной?

Н и н а. Ой, как печально сказано.

(Дуняша вносит молоко.)

Б о г о м о л о в. Никон Васильевич, мне сегодня нужно бы побеседовать с вами...

Б у к е е в. О делах? Успеем, время есть, мы с вами, батенька, много наделаем разного...

Б о г о м о л о в. Есть один сложный вопрос.

Б у к е е в (махая рукою). Их – сотни, сложных вопросов. Вы лучше с дядей Ж а ном поговорите – если дело идёт о земле и воде.

Б о г о м о л о в. Хорошо.

Н и н а (Букееву). Вы устали?

Б у к е е в. Да. Лет пятнадцать назад тому.

Н и н а. Что с вами?

Б у к е е в. Да вот – устал...

Н и н а. Отчего?

Б у к е е в (идя на террасу, всматривается в даль). Не знаю.

О л ь г а (мужу). О чём мечтаешь?

Б о г о м о л о в. Так, ни о чём...

О л ь г а. Почему ты ушёл от нас?..

Б о г о м о л о в. А меня этот заинтересовал... студент, удивительный пессимист.

О л ь г а. Расскажи мне о нём.

Б о г о м о л о в. А спать когда будешь?

О л ь г а. Я не хочу спать.

Б о г о м о л о в (барабанив пальцами). О студенте немного скажешь. Меня заинтересовало его невежество и удивительная самонадеянность.

О л ь г а. Ты найдёшь здесь воду?

Б о г о м о л о в. Конечно.

О л ь г а. Скоро?

Б о г о м о л о в. Думаю – да!

О л ь г а. И всё здесь оживёт, да?

Б о г о м о л о в. Разумеется. В этом цель моих работ.

О л ь г а. Будут парки, сады...

Б о г о м о л о в. Бесплодной почвы – нет, и Сахару можно сделать плодородной, если работать упорно, с любовью. Земля – как человек, требует внимания, любви. И чем бескорыстнее любовь, тем богаче дары её. Ты посмотри: когда человек чувствует, что его любят, – как расцветает его душа в свете любви! Влюблённые и любящие всегда талантливы, ярки. Если ты полюбишь даже бездарного человека, и он сумеет почувствовать твою любовь...

О л ь г а (усмех[аясь]). Не попробовать ли мне полюбить бездарного, а?

Б о г о м о л о в (глядя её плечо). Ты уже однажды сделала это, полюбив меня.

О л ь г а (вздыхнув). Ох, ты, к сожалению, не бездарен.

Б о г о м о л о в (смеясь). Как ты сказала это...

О л ь г а (вздыхнув). Ты наивен, как дитя, – но ты даровитый человек.

Б о г о м о л о в. И это тебя огорчает...

О л ь г а (серьёзно). Может быть.

Б о г о м о л о в. Не понимаю...

О л ь г а. Очень жаль. Послушай, – ты видишь, что этот Букеев относится к тебе снисходительно?

Б о г о м о л о в. Вижу.

О л ь г а. Тебя это не шокирует?

Б о г о м о л о в. Да ко мне почти все так относятся... и ты и даже этот Ладыгин.

О л ь г а. Он бездарен, не правда ли? (Улыбаясь, смотрит на мужа.)

Б о г о м о л о в (убежд[енно]). О да! Чрезмерно!

В е р о ч к а (входит). Здравствуйте!

О л ь г а. Здравствуйте, Верочка. Почему бледная такая?

В е р о ч к а. Пришёл машинист с артезианского колодца, просит вас.

Б о г о м о л о в. Иду. Вероятно, бурильщики отказались работать, ужасно кормят их! (Вере.) Вы не знаете, где дядя Ж а н?

В е р о ч к а. Пошёл в оранжерею. (Хочет идти.)

О л ь г а. Почему вы такая усталая, бледная, Верочка?

В е р о ч к а. Не знаю.

О л ь г а. Посидите со мной, мне скучно.

В е р о ч к а. На террасе Никон Васильевич с Ниной Аркадьевной.

О л ь г а (хмурясь). Вам не хочется посидеть со мной?

В е р о ч к а. Нет, почему же? (Присела.)

О л ь г а. У вас такой вид, как будто вы влюбились в Ладыгина.

В е р о ч к а (натянута усмехаясь). Именно в Ладыгина?

О л ь г а. А в кого же ещё можно влюбиться здесь?

Б у к е е в (идёт с террасы). Ольга Борисовна, как мы проведём сей день, его же сотвори господь? Возрадуемся и возвеселимся снова, да?

О л ь г а. Откуда вы знаете столько церковных слов?

Б у к е е в. А у меня служил в сторожах расстриженный дьякон, пьяница и лентяй, я очень любил беседовать с ним.

Н и н а. Около вас всегда удивительно забавные люди.

(Верочка встаёт, уходит. Ольга задумчиво смотрит вслед ей.)

Б у к е е в. Н-ну, где же они?

Н и н а. А дядя Ж а н?

Б у к е е в. Да, - он, конечно... (Ольге.) Вы знаете, - он был моим репетитором, готовил меня в политехнику. Мне тогда было двадцать два года. О чём вы задумались?

О л ь г а. Я слушаю.

Б у к е е в. Но мы гораздо усерднее изучали кафешантаны, чем науки. Потом он поехал со мной за границу, и вот уже двадцать четыре года мы надоедаем друг другу. Он тоже лентяй.

Н и н а. Разве вы - лентяй?

Б у к е е в. Конечно. Я человек ленивый, жирный и лирический.

Н и н а. Вы клеветеете на себя.

Б у к е е в. Я люблю печаль. Но и печаль у меня тоже масляная какая-то, жирная.

О л ь г а (оглядываясь). Какие у вас неинтересные картины.

Б у к е е в. Я ничего не понимаю в живописи.

О л ь г а. Зачем же покупаете это?

Б у к е е в. Пристают. Ж а н говорит: "Богатый человек должен поощрять искусство". Я и поощряю.

Н и н а. Расскажите ещё что-нибудь про себя.

Б у к е е в. Да я же про себя и говорю. Больше ни о чём не умею.

(Ж а н на террасе с букетом цветов. Увидев Нину, прячет букет за спиной, исчезает и входит уже без букета.)

Н и н а. Нет, вы что-нибудь интимное...

Ж а н. Для интимных бесед природой предназначены вечера и ночи, утром же свободные люди наслаждаются природой, а трудолюбивые трудом. Почему вы сидите здесь, а не на берегу, не в саду? Шли бы на воздух, там земля пахнет пряником, море шёлковое, жаворонки поют "Коль славен".

Н и н а. А где Ладыгин?

Ж а н. Лежит голый на песке и дремлет. Выкупался, проделал гимнастику...

Б у к е е в. Он просто живёт.

Н и н а. Как и следует.

Ж а н. Совершенно верно.

О л ь г а. А кто вам мешает просто жить?

Б у к е е в. Не знаю. Вероятно - лень.

О л ь г а. Мне кажется, вы немножко кокетничаете.

Б у к е е в. В моём возрасте этим не занимаются.

Н и н а. Уж будто бы!

Ж а н. А где наш высокоучёный?

О л ь г а. К нему там кто-то пришёл жаловаться, что рабочих плохо кормят, они не хотят работать.

Б у к е е в (сконфужен). Не может быть. Жан, как же это, а? Второй раз...

Ж а н. Сию минуту распоряжусь, чтоб им нажарили котлет де-воляй и прочего, соответственно.

Б у к е е в (Ольге). Вы так сказали... вас интересуют рабочие?

О л ь г а. Нисколько.

Н и н а. Но вы говорили так сердито.

О л ь г а. Разве? Извиняюсь. Мне спать хочется. (Встала, идёт к двери в свою комнату, остановилась и проходит в фонарь.)

Н и н а (тихо). Капризная женщина. И не очень воспитана.

Яков Богомолов. Максим Горький gorkiymaxim.ru
(Букеев молчит, исподлобья наблюдая за Ольгой.)

Н и н а. Вы замечаете, что Ладыгин волнует её?

Б у к е е в. Это неправда. (Встал.)

Н и н а. Она пошла посмотреть на него...

Б у к е е в. Пойдёмте, погуляем.

Н и н а. О, с удовольствием.

(Уходят через террасу. Ольга в фонаре (здесь фонарь – выступ в здании на весу, башенка с окнами, привешенная к стене – Ред.), курит и тихонько напевает. Входят Жан и Богомолов.)

Ж а н. Дорогой мой, я тоже – идеалист, уверяю вас! Я понимаю всё это: рабочий вопрос, социальная справедливость и прочее... Конечно же, о господи! Мы наделали законов для наших знакомых, а сами обходим законы стороной, – чтобы не задевать их, знаете.

Б о г о м о л о в. Тем более, уж если вы понимаете это.

Ж а н. Да – понимаю же! Но – всё-таки необходимо иногда приказывать людям. Или – так, или – до свидания!

Б о г о м о л о в. Приказывать я не умею, могу только советовать или убеждать.

Ж а н. Всего убедительнее – страхи. Государство держится страхами, это факт! Вы рассуждаете как социалист, как человек преждевременный. Жизнь – поверьте мне – очень запутанная штука, кто в этом виноват – неизвестно. В поисках виноватого хватают богатого, но – ведь это только потому, что он виднее.

Б о г о м о л о в. Забавно вы говорите.

Ж а н. А, боже мой! Я знаю жизнь, и она меня знает!

Б о г о м о л о в. И многое у вас очень метко...

Ж а н. Так вот, дорогой мой, вы не беспокойтесь, – всё устроится, всё будет по-хорошему... Мы, идеалисты, понимаем друг друга с двух слов. Сейчас я распорядюсь насчёт улучшения харчей.

Б о г о м о л о в. К завтраму я составлю смету.

Ж а н. Да вы не торопитесь... [(Уходит.)]

(Богомолов, допивая остывший кофе, хмурится, бормочет что-то.)

О л ь г а. Ты что говоришь?

Б о г о м о л о в (заг[лядывая] в фонарь). Я думал, здесь никого нет.

О л ь г а. Твоя привычка разговаривать с самим собой когда-нибудь поставит тебя в неловкое положение.

Б о г о м о л о в. Ты думаешь? Впрочем – возможно. Ты что не спишь?

О л ь г а. Мечтаю.

Б о г о м о л о в. О чём?

О л ь г а. О тебе.

Б о г о м о л о в. О? Разве?

О л ь г а. Удивительный у меня муж, чёрт возьми, думаю я... с восторгом. Я целую ночь где-то кутила и вообще веду себя весёлой вдовой, а он – спокоен. Он так

Яков Богомолов. Максим Горький gorkiyтахim.ru
уверен в моей любви... Спасибо ему.

(Богомолов, опер[шись] на угол стола, задумчиво слушает, покручивая бородку.)

О л ь г а. Он упивался мечтами, она шампанским, и всё шло благополучно, - так начала бы я рассказ, если б умела писать.

Б о г о м о л о в. Попробуй.

О л ь г а (вых[одит] из фонаря, подход[ит] к нему, кладёт руку на плечо). А что бы ты сказал, если б я полюбила другого?

Б о г о м о л о в (серьёзно, вдумчиво). Что бы я сказал? Не знаю. Никогда не думал об этом.

О л ь г а. Подумай.

Б о г о м о л о в. Зачем же? Разве...

О л ь г а. Всё может быть.

Б о г о м о л о в. Ты шутишь, Оля.

О л ь г а. Да.

Б о г о м о л о в. Шутишь, я уверен. Хотя...

О л ь г а. Что - хотя?

Б о г о м о л о в. Не умею сказать.

О л ь г а. Если сказано - хотя, так значит, ты не очень уверен... Не очень! Ну... это хорошо. Спасибо. Поцелуй меня.

Б о г о м о л о в. За что же спасибо?

О л ь г а. Пойми. (Уходит, смеясь.)

Б о г о м о л о в (вслед ей). Желаю тебе хорошенько отдохнуть, а то у тебя, кажется, нервы не в порядке.

О л ь г а. О, конечно, нервы... (Уходит.)

(Дуняша и Верочка.)

В е р о ч к а. Ольга Борисовна легла спать? Вот ей цветы от Никона Васильевича. Подайте, Дуняша.

Б о г о м о л о в (трёт лоб). Мне нужно о чём-то спросить вас... забыл!

В е р о ч к а. Жалею. (Идёт в угол к письменному столу.)

Б о г о м о л о в (за ней). Да! О чём вы плакали утром?

В е р о ч к а. Я? Как вы знаете?

Б о г о м о л о в. Мне Стукачёв сказал.

В е р о ч к а. Не всё ли вам равно?

Б о г о м о л о в. О, боже мой. Вот не ожидал, что вы так ответите.

В е р о ч к а. А чего вы ожидали?

Б о г о м о л о в. Не знаю. Меня это поразило. Такое прекрасное утро, всё так ярко, празднично, вы такая юная, красивая, так ласково встретили меня, и вдруг является лакей и говорит с улыбкой дурака: "А она плачет!" Ужасно нелепо.

Яков Богомоллов. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

В е р о ч к а (ус[мехаясь]). Никто, кроме вас, не заметил бы этой нелепости.

Б о г о м о л о в. А меня, представьте, целое утро угнетают эти ненужные слёзы.

В е р о ч к а (тронута). Какой вы добрый, милый.

Б о г о м о л о в. Добрый? Нет, не думаю. Просто мне всегда хочется видеть людей спокойными, весело деятельными.

В е р о ч к а (села, смотрит на него, облокотись о стол). Да, это я понимаю...

Б о г о м о л о в. Мне всегда хочется видеть всех счастливыми, а главное – уверенными в себе. Это органическая потребность у меня. О чём же вы плакали?

В е р о ч к а. Глупые девичьи слёзы.

Б о г о м о л о в. Вам полюбить хочется, да?

В е р о ч к а (вспыхнув, шутливо). Какой вопрос!

Б о г о м о л о в. Послушайте – любите! Не ждите с этим, это самое лучшее в жизни, поверьте мне. Только любя, мы живём. Вот – полюбите Ладыгина.

В е р о ч к а (почти истер[ически] смеётся). О, господи... вы... удивительный! Вы такой чудак...

Б о г о м о л о в. Нет, серьёзно! Вы не смущайтесь предрассудками, не думайте о последствиях, последствия любви всегда одни и те же – новый человек! Я говорю не о ребёнке, а о людях, которые любят, ведь это чувство обновляет душу, делает людей иными, лучше, красивее... Вы понимаете...

В е р о ч к а (вставая). Уйдите от меня! Оставьте Ладыгина для...

Б о г о м о л о в (испуган). Почему?

В е р о ч к а (быстро уходя на террасу). Извините... я не могу...

Б о г о м о л о в (недоумеая). Почему?

Л а д ы г и н (входит с террасы). Что это – завтрак ещё не готов? А мне зверски есть хочется. Вы чего такой?

(Богомоллов, не отвечая, уходит.)

Л а д ы г и н (ворчит). Невежа...

II ДЕЙСТВИЕ

Лунная ночь. В саду, под группой деревьев, стол, на нём большая чаша для крющона, бокалы. Плетёная мебель. В нишах кустарника удобные скамьи. У стола Б у к е е в и Ж а н. Оба выпивши. Букеев возбуждён, Жан настроен лирически.

Ж а н. Да-а, Ольга Борисовна – женщина, достойная героических усилий. Ты прекрасно выбрал, Никон!

Б у к е е в. Я – выбрал? Это чёрт выбирает для нас. Если б ты знал, как я хочу её... эх!

Ж а н. Это, брат, видимо, последняя твоя женщина. Последняя женщина, как сороковой медведь для охотника, – опаснейшее приключение! Держись твёрдо!

Б у к е е в. Это не приключение, а – быть или не быть?

Ж а н. Я понимаю. Хотя я и скептик, но сердце у меня есть, и я, брат, умею чувствовать и дружбу и любовь.

Б у к е е в. Что же делать с этим дураком?

Ж а н. Не торопись. Придумаем.

Б у к е е в. Иногда мне убить хочется его.

Ж а н. Ну-ну, зачем так грубо? Можно найти другой приём. Ты вот что пойми: красивая женщина или распутна или глупа, таков закон природы. Ольга Борисовна не глупа, значит, она должна быть...

Б у к е е в. Заврался ты...

Ж а н. Друг мой, я – скептик, я не могу иначе. Для скептиков, как известно, нет ничего святого.

(Стукачѐв несѐт кофе.)

Ж а н. Давай выпьем кофейку. Стукачѐв, притащи-ка ещё финьшампань (сорт русского коньяка из одноимѐнного сорта винограда, произрастающего в Грузии – Ред.) – живо. И земляники. Это, знаешь, специально для дам. (Смеясь.) Мы подольѐм сюда бутылочку, и – дамам будет весело, а когда дама весела...

Б у к е е в (ухмыляется). Ты – жулик.

Ж а н. Таковыми же создал господь и всех прочих людей. Я, брат, скептик, я знаю: все мы притворяшки. Один притворяется умным, другой честным и т.д. По натуре своей и тот не честен и этот не умѐн, но привыкли играть роль и – ничего! – иногда играют довольно удачно. Да. Добро, честь и прочие марципаны – всё это, брат, – литература и хуже литературы, – это так называемые навязчивые представления.

Б у к е е в. Чѐрт знает что ты говоришь, – ерунду какую-то.

Ж а н. Нисколько... Есть даже книга такая "О навязчивых представлениях", учёный психиатр написал. Ты, брат, прочитай. Это, знаешь, вроде сумасшествия.

Б у к е е в. Не едут.

Ж а н. Приедут. Неминуемо.

Б у к е е в. Замечал ты в глазах у неё тревожное такое?

Ж а н. Как же! Я всё замечаю.

Б у к е е в. Тревога и печаль. Я люблю печаль, это самое человеческое настроение.

Ж а н. Ну, знаешь, быки и собаки тоже иногда очень печально смотрят в небеса...

Б у к е е в. Перестань. Отчего она печальна?

Ж а н. С таким болваном, как её супруг... Тсс! Он и ещё кто-то.

Б у к е е в. Вера.

Ж а н. Вера? Гм... Уйдѐм!

Б у к е е в. Зачем это?

Ж а н. Иди сюда... Послушаем, что он говорит... Ну, скорее...

Б у к е е в. Глупо...

Ж а н. Напоить бы его до чѐртиков, а? (Скр[ываются] в кустах.)

(Богомоллов и Верочка.)

Б о г о м о л л о в. Нигде я не видал таких бездельников, как здесь, и сам никогда не чувствовал себя таким бездельником. Здесь никого нет? Огонь, вино... Сядемте? А где же люди?

В е р о ч к а. Ваша жена с Ладыгиным и Ниной Аркадьевной катаются на лодке.

Б о г о м о л л о в. Знаете – я впервые на юге, и мне кажется, что люди здесь, точно ленивые, сытые пчёлы, висят в воздухе, тихо кружатся над каким-то невидимым цветком.

В е р о ч к а. Невидимый цветок? Как хорошо сказали вы это!

Б о г о м о л л о в. И сам я тоже повис в воздухе над ним.

В е р о ч к а. Но – что же это? Какой цветок?

Б о г о м о л л о в. Может быть – любовь или мечта о чём-то недостижимом.

В е р о ч к а. Как странно, что вы романтик.

Б о г о м о л л о в. Почему странно? Все люди романтики. У меня есть приятель, он называет себя реальным политиком и убеждён, что через двадцать пять лет – в России будет нечто вроде земного рая. Это тоже романтизм.

В е р о ч к а. Вы так много работаете – целые дни!

Б о г о м о л л о в. Я люблю работать, работа повышает уважение к себе самому, и – знаете: земля должна быть огранена трудом людей, как драгоценный камень. Я думаю, что те, кто говорит о муках творчества, неправы, надо говорить о радостях творчества.

В е р о ч к а. Ольга Борисовна так же думает?

Б о г о м о л л о в. Ольга? (Помолчав.) Она из тех людей, для которых то, что они поняли, становится неинтересным.

В е р о ч к а. А – вы...

Б о г о м о л л о в. Что?

В е р о ч к а. Нет, я не то хотела спросить.

Б о г о м о л л о в (смеясь). Вы хотели спросить – поняла ли она меня?

В е р о ч к а (сму[щённо]). Я не имею права... так не спрашивают...

Б о г о м о л л о в. Почему же? Обо всём можно и должно спрашивать... (Очень сердечно и просто.) Послушайте, – вы к ней относитесь несправедливо, и это потому, что вы немножко увлекаетесь мной. Правда?

(Верочка смущена, молчит.)

Б о г о м о л л о в. Правда?

В е р о ч к а. Не знаю... может быть...

Б о г о м о л л о в. Милая девушка, – мной нельзя увлекаться, я совершенно не гожусь для романа – уверяю вас.

В е р о ч к а. Не говорите так... грубо...

Б о г о м о л л о в. Это не грубо.

В е р о ч к а. Неловко так...

Б о г о м о л л о в. Жена говорит про меня, что я хладнокровный болтун, – это верно, вы знаете? У меня в мозгу неустанно во все стороны двигаются какие-то колёсики. (Показ[ывает] руками.) И так, и так, и эдак. Я люблю думать обо всех людях, о судьбе каждого, мне хочется для всех чего-то хорошего... каждому по желанию его и – больше желания. Вероятно, я мог бы изменить жене, если б это понадобилось для кого-то другого, – если б я почувствовал, что могу дать счастье

человеку.

В е р о ч к а. Вы сами – счастливы?

Б о г о м о л л о в. Да. (Подумав, решительно кив[ает] головой.) Да. Я очень люблю всё – всю жизнь. И людей, конечно. Люди кажутся мне детьми, даже когда у них седые бороды. В сущности, все они удивительно интересны. Неинтерес[ных] людей нет.

В е р о ч к а (негромко, грубовато). Вы знаете, что здесь вас считают каким-то блаженным?

Б о г о м о л л о в. Это – везде! Везде. Вы посмотрите, как относятся ко мне рабочие: я, очевидно, кажусь им ребёнком. "Сергеич, говорят они, ты не беспокойся, мы тебя не обидим, – всё будет хорошо!" Они положительно боятся обидеть меня. Это – трогательно.

В е р о ч к а. Я знаю людей, которые не боятся этого.

Б о г о м о л л о в. О, конечно, есть и такие. Мы все очень небрежно относимся друг к другу. Мы совершенно не умеем любоваться человеком, а что на земле значительнее его, прекраснее, что более сложно и загадочно, чем он?

В е р о ч к а. Боже мой, боже!

Б о г о м о л л о в. Что с вами?

В е р о ч к а. Ничего... Не обращайтесь внимания. (Вдруг с неожиданной силой, страстно.) Послушайте, вы – я не понимаю вас... Я восхищаюсь вашими словами, но – мне жалко вас до тоски, до отчаяния. Как можете вы – такой ясный, добрый и мягкий, – как вы можете быть слепым? Вы говорите, что человеком надо любоваться, – вы не смеете не видеть, как унижают вас...

Б о г о м о л л о в (усм[ехаясь]). Меня? Кто?

В е р о ч к а. Все! Жан – издевается над вами, мой дядя – ах господи! – он же хочет отбить у вас Ольгу Борисовну, – неужели вы не видите этого?

Б о г о м о л л о в. Чудак!

В е р о ч к а. Ольга Борисовна, – я нехорошо делаю, говоря это, – но ведь все видят её отношения с Ладыгиным.

Б о г о м о л л о в (ласково). Довольно, Верочка. Есть вещи, которые не надо видеть, – вы понимаете? То, чего вы не видите, – не существует. Нас мучает то, что мы слишком пристально рассматриваем.

В е р о ч к а. Но – поймите! – вы не смеете, не имеете права позволять, чтобы вас унижали.

Б о г о м о л л о в. А если я не чувствую унижения...

В е р о ч к а. Тогда вы действительно...

Б о г о м о л л о в. Дурак?

В е р о ч к а. О, господи... нет, это невозможно... это – кошмар... (Вскочила, быстро идёт прочь.)

Б о г о м о л л о в (пожим[ает] плечами, бормочет). Психологическая девушка... (Пьёт крушон, морщится.) Яд... азотная кислота какая-то... (Вытирает рот платком.) Да.

Ж а н (из кустов, рожа сияет, едва удерживается от смеха). Яков Сергеич, дорогой... (Смеётся.) ...с кем вы беседуете?

Б о г о м о л л о в. Сейчас здесь Вера Павловна была.

Ж а н. Слышал её голос...

Б о г о м о л л о в. Философствует девица, знаете.

Ж а н (смеясь). Это она... философствует?

Б о г о м о л л о в. И я тоже, конечно...

Ж а н. Ах вы... дорогой мой! Давайте глотнём за идеализм...

Б о г о м о л л о в. Я уже глотнул и, кажется, сжёг себе пищевод...

Ж а н. Ну, я один! Сейчас наши приедут, лодка уже у берега.

Б о г о м о л л о в. На море, вероятно, сыро.

Ж а н. Даже реки обладают этим недостатком, не говоря о болотах.

Б о г о м о л л о в (смеётся). Остроумны вы...

Ж а н. А Ладыгин неутомим, демонстрируя дамам свои мускулы.

Б о г о м о л л о в. Человеку свойственно хвастаться лучшим, что есть у него.

Ж а н. Браво!

Б у к е е в (медленно идёт). Жан, - ужинать надо здесь, распорядись.

Ж а н. Могу.

Б у к е е в (садясь). Жарко.

Б о г о м о л л о в. Да? А по-моему - прохладно.

Б у к е е в. Нет, жарко. Я замечаю - вы не очень любите общество дам?

Б о г о м о л л о в. Да их здесь только две.

Б у к е е в (тяжело смотрит). А вам сколько надо?..

Б о г о м о л л о в (смеясь). Самое большее - одну.

Б у к е е в. Нет, серьёзно, - вас не интересуют женщины?

Б о г о м о л л о в. Я - женат, как видите...

Б у к е е в. Да. А я вот часто думаю: что такое женщина?

Б о г о м о л л о в (неохотно). Поскольку можно исчерпать понятие словами... (Сразу увлекается.) ...это стержень нашей жизни, ось бытия, вокруг женщины вращаются все солнца и звёзды нашей поэзии, всё лучшее наше - для неё, от неё - все племена и народы, для неё посеяны на земле все цветы, её ради созданы искусства, и ради её пребудет вовеки всё прекрасное. Она несёт с собой невидимый цветок, над которым кружится весь мир, жаждущий счастья.

Б у к е е в (вздыхнув). Хорошо вы говорите, великий вы краснбай... Вот бы мне немножко этого дара.

Б о г о м о л л о в. Для женщин?

Б у к е е в (кив[нув] головой). Конечно.

Б о г о м о л л о в. Почему вы не женились?

Б у к е е в (мах[нув] рукой). Пробовал. На третий год - развёлся.

Б о г о м о л л о в. Она ушла?

Б у к е е в. Выгнал. Хотите выпить?

Б о г о м о л л о в. Нет. Спасибо.

Б у к е е в (вор[чливо]). Благочестивый вы человек: не пьёте, не курите. И в карты, наверное, не играете?

Б о г о м о л л о в. Не играю.

Б у к е е в. Скучно?

Б о г о м о л л о в. Нет, ничего, живу.

Б у к е е в. А я вот пью, курю, играю и вообще – развлекаюсь всячески, но – скучно мне.

Б о г о м о л л о в. Попробуйте работать.

Б у к е е в. Непривычен.

Б о г о м о л л о в. Положение безвыходное.

Б у к е е в (в упор смотрит на Богомоллова). Посмотрим. Может, и нет ещё.

(Смех и голоса. Ладыгин, Ольга, Нина.)

Б о г о м о л л о в. Приехали. (Идет встречу.)

(Букеев, тяжело подняв руку, показ[ывает] ему кулак. Стукачёв и Дуняша накрывают на стол.)

Б у к е е в. Шампанское похолоднее.

С т у к а ч ё в. Слушаю.

Б у к е е в (вставая). Болван ты, Стукачёв.

С т у к а ч ё в. Почему же-с?

Б у к е е в. Не твоё дело.

С т у к а ч ё в. Обидно-с, ежели без дела ругаете!

Б у к е е в. Мне нужно кого-нибудь обругать...

С т у к а ч ё в. Дуняшу бы, она моложе меня...

Б у к е е в. Ну, молчи... (Уходит.)

С т у к а ч ё в. Пьян.

Д у н я ш а. За что это меня ругать надо?

С т у к а ч ё в. А меня за что?

Д у н я ш а. Вы дольше моего служите здесь.

С т у к а ч ё в. Тс...

[(Жан и Ольга входят.)]

Д я д я Ж а н. Ну, вы, живее! Марш отсюда... Устали, благодатная? Присядьте, прошу.

[(Стукачёв и Дуняша уходят.)]

О л ь г а. Мне надо переодеться...

Ж а н. Минуточку! Позвольте сказать десяток слов от души...

О л ь г а (разгляд[ывая] его). Да? Что такое?

Ж а н. послушайте, божественная! Я – романтик.

О л ь г а. Серьёзно?

Ж а н. Вполне! Я... мне тягостно видеть страдания людей, а если мучается близкий человек – я совершенно впадаю в отчаяние. И вот, будучи душевно предан Никону, я умоляю вас: обратите на него внимание, приласкайте ребёнка! Он страдает с Тамбова...

О л ь г а. Откуда?

Ж а н. С Тамбова, с первого дня знакомства с вами...

О л ь г а. Вы много выпили?..

Ж а н. Обыкновенно... Позвольте – вы, кажется, это иронически спросили?

О л ь г а. Нет, серьёзно...

Ж а н. Несравненная, будьте великодушны...

Б о г о м о л о в [(входит)]. Вот она где.

О л ь г а. Ты меня искал?

Б о г о м о л о в. Я не видел, как ты сошла на берег.

Ж а н (уныло). Как богиня!

О л ь г а. Слышал – как?

Б о г о м о л о в. Устала?

О л ь г а. Нет. Ты что делал?

Б о г о м о л о в. Закончил схему водонос[ного] горизонта, потом гулял с Верочкой, беседовал.

Ж а н (смеётся). Извините, – смешное вспомнил!

(Ладыгин, Нина; Жан идёт встречу им.)

Л а д ы г и н. Скоро ужинать? Я голоден.

Н и н а. Это у вас хроническое.

Л а д ы г и н. Я человек здоровый...

(Подошёл Букеев, угрюмый.)

О л ь г а. О чём же вы беседовали?

Б о г о м о л о в. Знаешь, – она милая девушка.

О л ь г а. Да?

Б о г о м о л о в. Очень. Только – она нетактична, на мой взгляд... Например, она сказала, что надо мной здесь немножко издеваются, считают меня чудачком...

О л ь г а. Вот как?

Б о г о м о л о в. Да.

Л а д ы г и н. Позвольте, – мой брат, офицер гвардии, дрался на дуэли трижды...

Б о г о м о л л о в. Я ей советовал влюбиться в Ладыгина, а она сказала, что он очень ухаживает за тобой.

О л ь г а. Вы и обо мне беседуете?

Б о г о м о л л о в. Она обо всём говорит довольно решительно.

О л ь г а. А ты, по обыкновению, очень откровенно, да?

Б о г о м о л л о в. Ты сердисься?

О л ь г а. Полно, – какие у меня причины сердиться! Ну, а ещё о ком сплетничала она?

Л а д ы г и н (Ольге). Посмотрите, до чего Букеев мрачен сегодня. Это даже нелюбезно. Ах, извиняюсь, я помешал вам?

Б о г о м о л л о в. Нет, ничего...

Л а д ы г и н. Сейчас будем ужинать. Букеев пробирал за что-то Верочку – гудел, гудел над ней! В сущности, он очень скучный человек... Вы знаете Нина Аркадьевна думает, что я трус. Я – оскорблён. Спортсмен не может быть трусом. У меня брат, гвардейский офицер... (Заметив, что его не слушают.) Я, кажется, лишний?

О л ь г а. Вы уже спрашивали об этом.

Л а д ы г и н. Да? Забыл. А хорошо здесь! Море, холмы, за холмами степь. Нужно бы ещё лес – это идеально... Ужасно утомляет ожидание.

Б о г о м о л л о в. А вы чего ждёте?

Л а д ы г и н. Ужина. Я часа два работал веслами...

(Букеев подходит.)

Б о г о м о л л о в (жене). Между прочим, я сказал ей, что здесь люди, точно пчёлы, кружатся над каким-то цветком, невидимым для них.

О л ь г а. Ты умеешь сказать...

Л а д ы г и н. А что это за цветок?

Б у к е е в (угрюмо). Я слышал краем уха вашу беседу; мне показалось, что вы объясняетесь Вере в любви...

(Богомоллов смеётся.)

Б у к е е в. У вас странная манера говорить со всеми обо всём.

О л ь г а. Это выговор тебе, – ты понимаешь?

Б у к е е в. Что вы, Ольга Борисовна. Просто я так... сказал... Ведь в самом деле для Якова Сергеича как будто нет зап[ретных] вопросов. Он... удивительный. Веру этот разговор расстроил, ну... вот я и говорю. Она ведь очень нервная...

Л а д ы г и н. Заставьте её делать гимнастику, плавать, и – всё пройдёт!

Ж а н. Господа! Посмотрите, как красиво рыбаки развели костёр на берегу, и – посмотрите! Великолепие.

(Все нехотя идут.)

Ж а н (удерживает Букеева). Ника, я перекинулся с ней парочкой слов насчёт тебя. Конечно, она и так и эдак и – ничего особенного не сказала, но – поверь моему опыту! Терпение, дружище!

Б у к е е в (уходя, махая рукой). Ты пьян, брат!

Ж а н (пожимая плечами). Я двадцать лет пьян... Странно!

Н и н а. Куда они пошли?

Ж а н. На берег.

Н и н а. Опять? Я так устала. Почему Никон Васильевич не в духе?

(Вера осматривает стол, накр[ытый] для ужина.)

Ж а н. Всё ваша сестра виновата.

Н и н а (оглядываясь). Неужели он серьёзно увлекается ею? Это было бы ужасно.

Ж а н. Да, не очень весело. А вот вы рискуете проворонить кусок.

Н и н а. Фу, как грубо! Что с вами?

Ж а н. Я, Нина Аркадьевна, – циник! Уверю вас. И я – огорчён! Чёрт бы взял водопроводчика и супругу его, – вот что я говорю! Если случится...

Н и н а (тревожно). Вы думаете, что у него серьёзно, да?

Ж а н. Последняя женщина, – вот что я думаю! А вы...

Н и н а. Пожалуйста, оставьте меня в покое! Что за тон у вас?

Ж а н. Я сказал – я циник, и – кончено!

Н и н а. Но – как же Ладыгин?

Ж а н. Уж не знаю как. Это меня не интересует... Нисколько!

Н и н а. Так откр[ойте] ему глаза.

Ж а н. Не угодно ли вам взять на себя это приятное дельце?

Н и н а. И возьму!

Ж а н. И возьмите!

Н и н а. Жанчик, вы знаете, как я отношусь к вам, – вы не должны допускать...

Ж а н. Эх, что там! Если б моя воля, я завтра же подстроил бы ей такую пакость, что – слоны ахнут!

Н и н а. Я говорю вам – вы не должны.

Ж а н. Оставьте. Знаю я, что должен и чего не должен. Воспитывать человека чуть не тридцать лет, а тут вдруг является герцогиня из Чухломы... и – пожалуйста!

В е р о ч к а (глядя к морю). Дядя Жан, ужин готов.

Ж а н. Прекрасно. Идёмте, позовём их.

(Верочка садится на скамью за кустами. Идут Ольга и Ладыгин.)

Л а д ы г и н. Я не понимаю этого.

О л ь г а. Чего вы не понимаете?

Л а д ы г и н. Я вас люблю, я страстно желаю вас, а вы капризничаете.

О л ь г а (смеясь). Вы называете это – каприз, и только.

Л а д ы г и н. Ну да, а – как же? Уверю вас, что я вообще очень нравлюсь женщинам, – они меня любят, а тут вдруг...

О л ь г а. А вы умеете любить, да?

Л а д ы г и н. Господи, – какой странный вопрос. Я не мальчишка, не старик.

О л ь г а (смеётся). Вы очень просто понимаете любовь, удивительно просто!

Л а д ы г и н. Я же не... этот, не... как это?

О л ь г а. Не – кто?

Л а д ы г и н. Ну, вы знаете! Я забыл слово... имя.

О л ь г а. Робинзон Крузо?

Л а д ы г и н. Нет, – при чём тут Робинзон Крузо, если дело идёт о женщине. Другое.

О л ь г а. Вильгельм Телль?

Л а д ы г и н. Это – сказка. Ну – всё равно.

О л ь г а. Гамлет? Ловелас?

Л а д ы г и н. Я – честный человек, а Ловелас, кажется, был негодяй.

О л ь г а. Кто же?

Л а д ы г и н. Вы смеётесь надо мной – за что? За то, что я вас искренно люблю. Поверьте, я люблю вас не как других любил, – честное слово.

О л ь г а. Бросьте это. Ваша любовь – на две недели скучных будних дней – не более. В вашей любви не будет праздника...

Л а д ы г и н. Ну, уж извините! Вы не можете знать...

О л ь г а. Вы – почти дитя, хотя и красивый мужчина. Вы очень извините! – сильное животное, но мало человек, очень мало!

Л а д ы г и н. Человек – прежде всего – физика... (дел[ает] поп[ытку] об[нять] её.)

О л ь г а. Ну, это грубо, и я больше не стану говорить с вами. (Почти с тоской.) Как скучно здесь! Хоть бы кто-нибудь пел, хотя бы немножко музыки... Все живут, точно во сне...

Л а д ы г и н. Вот – идут все эти! Ольга Борисовна, дайте мне возможность поговорить с вами после ужина... Умоляю вас!

О л ь г а. Я подумаю.

Л а д ы г и н. Умоляю.

О л ь г а. Тише!

Б у к е е в (пристально смотр[ит] на Ольгу). Хорошо сейчас один рыбак сказал: "Ежели, говорит, всё от ума делать, так это тоже глупость будет!" Вы согласны?

О л ь г а. Не знаю, право.

Л а д ы г и н. Я – совершенно согласен. Не люблю умных людей.

Б у к е е в. Вам не холодно?

О л ь г а. Немножко...

Л а д ы г и н. У меня дядя математикой занимается и всё о теории вероятностей говорит, – нестерпимо скучно.

Б у к е е в. Даме холодно – скажите, чтоб ей принесли плед или шаль.

О л ь г а. Платок у меня в комнате, Дуняша знает. (Ладыгин, недов[ольный], уходит, насвистывая.)

Б у к е е в. Надоел он вам?

О л ь г а. Почему?

(Букеев молча целует ей руку.)

О л ь г а. Что это значит?

Б у к е е в. Так. Это не обижает вас, надеюсь.

О л ь г а. Нет. Но – удивляет.

Б у к е е в. Не удивляйтесь. У меня душа наполнена чувством благодарности к вам.

О л ь г а. За что?

Б у к е е в. За то, что вы есть, вот такая неотразимо властная, такая красавица, за то, что я имею счастье знать вас. (Торопливо и тяжело бормочет.) Благодарю вас...

(О л ь г а смотрит на него.)

Б у к е е в (усмехаясь). Там, на берегу, вы стояли, задумчивая такая, в сторонке от всех, и уж не знаю почему – но очень тронуло меня это.

О л ь г а. Что именно?

Б у к е е в. Да вот – что в стороне от людей... вы стоите.

О л ь г а. Вы ошибаетесь, если думаете, что я избегаю людей. Особенно я люблю весёлых людей.

Б у к е е в. Жаль, что я не умею быть весёлым!

О л ь г а. Что же вам мешает?

Б у к е е в. Да так... не знаю что...

О л ь г а. Вы богатый, независимый человек.

Б у к е е в. Независ[имых] людей нет, я думаю.

О л ь г а. Вот как? Почему?

Б у к е е в. Ну... например: если чего-нибудь хочешь, так уж зависишь от предмета своих желаний.

О л ь г а. Желайте возможного.

Б у к е е в. Всё кажется возможным, а полное счастье недостижимо.

О л ь г а. Удовлетворитесь неполным.

Б у к е е в. Обидно. Человек жаден.

(Ладыгин нес[ёт] шаль, за ним Жан.)

Ж а н. Давно пора ужинать.

Л а д ы г и н. Да! Пора. Извольте.

О л ь г а. Спасибо.

Ж а н. Но все разбрелись, а Яков Сергеич на ступ[еньках] террасы рассказывает Верочке, Нине Аркадьевне о каких-то чудесах науки, – не рассказ, а мёд и перец! Удивительный муж у вас, Ольга Борисовна! Его даже камни могут слушать.

Л а д ы г и н. Был такой проповедник, который тоже... "Аминь, – ему грянули камни в ответ".

Ж а н. Это было в хрестоматии.

Л а д ы г и н. Не знаю, может быть. Позвольте, хрестоматия – это сборник стихов, книга?

Ж а н. То – книга, а то – остров в Тихом океане.

Л а д ы г и н. Никогда не слышал. Будемте ужинать, а?

Б у к е е в. Жан – зови! (Пред[лагая] Ольге руку.) Позволите?

О л ь г а. Спасибо.

Л а д ы г и н. "Аминь! – ему грянули камни в ответ". Это очень хорошо сказано. А вообще я не люблю стихов, – ужасно трудно читать их! Запятое не на месте, и слова переставлены нелепо. А вам, Ольга Борисовна, нравятся стихи?

О л ь г а. Хорошие – да. (Вз[дохнув].) Как хочется музыки послушать!

Б у к е е в. Можно послать в город, там есть старичок один.

О л ь г а. Нет, не беспокойте старичка. Ваша племянница – не играет?

Б у к е е в. Верочка? Не знаю... Она у меня недавно живёт, ещё года нет...

О л ь г а. Сирота?

Б у к е е в. Да. Сестра моя умерла, Вера осталась с вотчимом, а он такой авантюрист, гуляка...

Л а д ы г и н. Вот авантюристов я люблю, интересные люди!

Ж а н. Прошу за стол!

(Идут нина, Верочка, Богомоллов.)

Б о г о м о л л о в. Каждый из нас чувствует себя творцом или рабом некой "истины", и каждый стремится укрепить её в жизни, – вбить свой гвоздь в мозг ближнего. Это глубоко отвратит[ельное] стремление...

Б у к е е в. Ваш супруг неутомим.

Л а д ы г и н. Какая-то думающая машина.

О л ь г а (оглядываясь на него). Вы очень откровенны.

Б у к е е в. Н-да...

Л а д ы г и н. Виноват! Это я нечаянно сказал...

О л ь г а. Яков!

Б о г о м о л л о в. Да?

О л ь г а. Сядь рядом со мной.

Б о г о м о л л о в. Прекрасно!

Ж а н. Усаживайтесь, синьоры!

III ДЕЙСТВИЕ

Комната первого действия. Пасмурный вечер. Сквозь стёкла террасы видно, как под ветром качаются тополя. В углу налево Б о г о м о л о в и В е р о ч к а играют в шахматы. За большим столом Л а д ы г и н раскладывает пасьянс. В фонаре на тахте полулежит О л ь г а с книгой.

В е р о ч к а. Так я возьму у вас коня.

Б о г о м о л о в. А я – так!

В е р о ч к а. И так возьму.

Б о г о м о л о в. Да? Гм... Что же мне делать?

В е р о ч к а. Вы сегодня играете очень рассеянно...

Л а д ы г и н. Рассеянность – признак влюбленности.

(Ольга смотрит на него через книгу.)

В е р о ч к а. Шах королеве.

Б о г о м о л о в. Уже? Что такое? Действительно, я играю, как телёнок.

Л а д ы г и н. Сравненьце не лестное, но...

О л ь г а. О чём вы гадаете?

Л а д ы г и н. Конечно, о том, любит ли она меня.

О л ь г а. Она – купчиха?

Л а д ы г и н. Почему?

О л ь г а. Мне так кажется.

Л а д ы г и н. Вы сегодня злая. (Смотрит на часы.)

О л ь г а. Я не бываю доброй.

В е р о ч к а. Вы проиграли. Шах королю... Видите.

Б о г о м о л о в. Вижу. Странно.

Л а д ы г и н. Ужасно медленно тянется этот день...

Б о г о м о л о в (встал). Вот надпись для часов:

Мы временем владеть не можем,

Минуты счастья не умножим,

Но если день наполнен горем,

Работой ход часов ускорим.

В е р о ч к а. Это чьё?

Б о г о м о л о в. Моё. Сам сочинил.

О л ь г а. Когда?

Б о г о м о л о в. Не помню.

О л ь г а. Я впервые слышу.

В е р о ч к а. Вы пишете стихи?

Б о г о м о л о в. Писал. И всё почему-то грустные. Потом – стало стыдно – бросил.

В е р о ч к а. Чего же стыдно?

Б о г о м о л о в. Не умею сказать. Так как-то, знаете... взрослый человек, с бородой, гидротехник и вдруг – пишет стихи! Да ещё лирические.

Л а д ы г и н. Да, это – нелепо! Борода и стихи...

В е р о ч к а. Очень многие поэты носили бороды...

О л ь г а (ир[онически]). Да – что вы?

Л а д ы г и н. Вообще борода – нелепость... (Мешает карты.) Когда дяди Жана нет дома – здесь скучно, как в монастыре.

(Верочка, собрав шахматы, уходит на террасу.)

О л ь г а. Вы очень любезны.

Л а д ы г и н. Я – откровенен. Не умею кривить душой.

Б о г о м о л о в (Ольге). Он – прав. Здесь скучно. По-моему, источником скуки является владыка здешних мест, – в нём неиссякаемый запас эдакой каменной скуки.

О л ь г а. Ты сплетничаешь.

Б о г о м о л о в. Что это за книга?

О л ь г а (смотрит на титул). Поль Адан.

Б о г о м о л о в (целует руку её). Пойду, схожу на работы.

О л ь г а. Скоро вернешься?

Б о г о м о л о в. Скоро... Утром эти звери опять сломали бур... И кто-то украл ремни. [(Уходит.)]

Л а д ы г и н (оглянулся, не видит Верочку, прошёл в фонарь, садится на тахту, обнимает Ольгу). Пойдём к тебе.

О л ь г а. Нельзя.

Л а д ы г и н. Почему? Пойдём!

О л ь г а. Перестаньте! Я не хочу...

Л а д ы г и н, Как ты меня мучаешь, это ужас, ты невероятно капризна. Ну, поцелуй меня крепко...

О л ь г а. Здесь не место.

Л а д ы г и н. Тогда – пойдём к тебе.

О л ь г а. Я же сказала...

Л а д ы г и н. Но, чёрт возьми... Вы издеваетесь надо мной, что ли?... Я не могу так... Если я люблю, то – надо меня любить. Ты так ласкова с мужем, – это неприятно волнует меня.

О л ь г а. Неужели?

Л а д ы г и н. Конечно! Надо, моя милая, ясно знать, на какую лошадь ставишь, как говорят англичане.

О л ь г а. Это они в подобных случаях так говорят?

(Верочка идёт с террасы.)

О л ь г а (усмех[аясь]). Вы – удивительный! Не думала я, что существуют такие упрощённые люди.

Л а д ы г и н (обнимает её). Во всех случаях!

(Верочка, садясь у стола, двиг[ает] стул, открыв[ает] ящик.)

Л а д ы г и н (вскочил на ноги, выглянул и, смущённо улыбаясь, идёт на террасу, говоря). Ах, вы здесь?..

(Ольга встаёт, выходит в комнату, молча смотрит на Веру, та встала и тоже смотрит в лицо Ольге. Немая сцена.)

О л ь г а. Вы хотите сказать мне что-то?

В е р о ч к а. Нет.

О л ь г а (после паузы). Но, может быть, скажете?

В е р о ч к а. Нет. (Идёт к двери налево.)

О л ь г а. Желаете остаться немым судьёй?

В е р о ч к а (горячо). Я ничего не желаю... я никого не хочу осуждать...

О л ь г а (иронически). Благодарю вас!

В е р о ч к а. Но – разве это любовь?

О л ь г а. Ага, всё-таки вы заговорили...

(Верочка быстро уходит.)

О л ь г а (постояв несколько секунд, закрывает лицо руками, потом бормочет). Боже мой – что я делаю?.. Боже мой...

Ж а н [(входит).] Вот мы и приехали! Вы одна здесь, божественная? (Садится.) Устал! Никон зол, точно голодный волк. Ветер. В городе пылица. Что с вами, богиня? А? Вы бледненькая и опрокинутая – что такое?

О л ь г а. Ничего. Нервы. Пойду, отдохну.

Ж а н (прот[ягивает] руку). Минуточку, минутку. Позвольте мне ещё раз побеседовать с вами.

О л ь г а. Бесполезно.

Ж а н. Милости прошу, а не жертвы! Присядьте.

О л ь г а. Благодарю вас. (Ходит.)

Ж а н. Ольга Борисовна! Я – циник!

О л ь г а. Кажется, вы недавно называли себя романтиком?

Ж а н. Обмолвился. Нет, я – циник! Я смотрю на вещи просто: вы красавица и заслуживаете божеских почестей. Вам необходимо вставить себя в раму, достойную вашей красоты. Жить с водолеем...

О л ь г а. Я прошу вас...

Ж а н. Нисколько не хочу обижать Якова Сергеича. Но я вижу, что вы ему не нужны, – ему вообще ничего и никого не нужно. Это человек преждевременный, отвлечённый мечтатель, поэт и тому подобное. Да здравствует! Но – при чём здесь вы? Не понимаю!

О л ь г а. И что же дальше?

Ж а н. Дальше – Никон.

О л ь г а. Вы знаете, как называется ваша профессия?

Ж а н. Знаю – приживал, паразит.

О л ь г а. Нет, хуже.

Ж а н. Знаю – сводник.

О л ь г а. И – всё-таки?

Ж а н. И всё-таки! Я циник, но я по-своему люблю Никона и желаю ему счастья. Счастье – это вы. Всё – вам, всё – для вас. Жизнь – ну, жизнь пустяки, но – состояние – это уже не пустяки, а около шести миллионов! Ольга Борисовна, – дело стоит так: лично мне невыгодно, чтоб эта комбинация осуществилась, ибо я знаю, войдя в дом Никона, вы меня – фюить.

О л ь г а. Извините, но мне кажется, что вы или пьяны, или с ума сходите!

Ж а н. Да – почему? Речь идёт о деле, и повторяю вам – невыгодном для меня. Но в дружбе я – рыцарь, да-с, рыцарь, не менее того... Ольга Борисовна, пред вами – всё, сзади вас – одни словесные бубенчики и пустота!

О л ь г а. Не смейте говорить так.

Ж а н (струхнул). Не буду. Не стану. Фу... Ведь экая вы... женщина! Понять нельзя какая. Но – клянусь! – действительная женщина.

О л ь г а. Послушайте... это Букеев просил вас говорить со мной?

Ж а н. Ни-ни! Ничего похожего! Я – сам, за свой страх из чувства рыцарской дружбы, ей-богу! Знаю, что есть риск получить пощёчину, но – иду на вы!

О л ь г а. Что вы за люди все? Вы, Букеев, Ладыгин? Не понимаю.

Ж а н. И не надо, не понимайте! Мы сами ни черта не понимаем, ей-богу. Живём вплоть до смерти, а для чего? Необъяснимо. (Серьёзно.) Послушайте, Никон несчастный парень. Он только однажды искренно любил, но возлюбленная оказалась с премией – у неё был туберкулёз, и она умерла в Давосе. Он хороший парень... А что касается Нины Аркадьевны, то это не более как шутка, знаете, от скуки... Ну, например, один купец московский, говорят, слонёнка у себя в комнате держал. Ах, да что там! Ольга Борисовна, подумайте... Я уйду, – топают на лестнице... Ольга Борисовна, – прошу вас! Это очень серьёзно!

(Входит с террасы Нина.)

Н и н а. Какой прот[ивный] ветер! (Огляд[ывает] их.) Вы – ссорились?

Ж а н. Мы?

Н и н а. У вас такой взъерошенный вид.

Ж а н. Это – вдохновение посетило меня. Я расск[азал] Ольге Борисовне историю, дrrr-аму, которую видел в синематографе.

(Ольга уходит к себе.)

Н и н а. В чём дело?

Ж а н. А что?

Н и н а. Отчего она такая?

Ж а н. Мамочка, я ей сейчас наговорил столько, что – знаете удивительно, как она

Яков Богомолов. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
на ногах, устояла! Разоблачил, так сказать! И о Ладыгине и – вообще! Говорю –
лучше вы, сударыня, того – цюрюк, цюрюк! То есть – пожалуйста назад.
Авантюристок, говорю...

Н и н а. Врёте!

Ж а н. Я? Когда это?

Н и н а. Всегда! Вы меня надуть хотите, сударь!

Ж а н. Господи! Я – вас?

Н и н а. Смотрите, друг мой! Я вашу дипломатию понимаю...

Ж а н. Ах, как вы несправедливы ко мне!

Н и н а. Я насквозь вижу вас.

Ж а н. Гм!

Н и н а. Да, да! Вы из тех, кто всегда идёт за победителем...

Ж а н. Таковы все люди...

Н и н а. Но – ещё неизвестно, кто здесь победит...

(Верочка входит с ключами.)

Ж а н. Там покупки из города привезены, будьте любезны принять. Никон просит к
ужину оленью ногу...

В е р о ч к а. Хорошо.

Н и н а. А где Никон Васильевич?

В е р о ч к а. У себя.

Ж а н (уходя). Какой сегодня нервный день!

Н и н а. Верочка!

В е р о ч к а. Да?

Н и н а. Присядьте на минуту. Я хочу спросить вас – вы ничего не замечаете?

(Верочка молчит, играя ключами.)

Н и н а (нак[лонясь] к ней). Не правда ли, эта Ольга Борисовна охотится за
Никоном Васильевичем?

В е р о ч к а (удивлённо). Нет!

Н и н а (взволнованно]). Однако – это так. Вы – девушка, человек неопытный, вам
непонятны наши женские хитрости.

В е р о ч к а. Да... я ничего не понимаю...

Н и н а. Но вы должны понять, что эта авантюристка угрожает вашим интересам...

В е р о ч к а. Мне? Моим интересам?

Н и н а. Да, конечно! Ведь если она вотрётся в доверие Никона Васильевича,
заберёт его в руки... тогда ваше будущее...

В е р о ч к а. Какое мне дело до этого?

Н и н а. Но – как же? Вы девушка, вам нужно выйти замуж, для этого необходимо
приданое...

В е р о ч к а. Нина Аркадьевна, мне ничего не нужно. Мне нужно уйти отсюда... Вы говорите, кто-то за кем-то охотится. Здесь все охотятся друг за другом, а - жизни нет.

Н и н а. Вы, конечно, понимаете, что я говорю вполне бескорыстно...

В е р о ч к а. Только Яков Сергеич - один он...

Н и н а. Ах, он глуп.

В е р о ч к а. Нет, неправда! Он - слепой, потому что честный.

Н и н а. Поверьте мне, это - дурак и болтун.

В е р о ч к а (возмущённо). Это прекр[асный] человек.

Н и н а. Вы увлекаетесь им, - да?

В е р о ч к а. Да!

Н и н а. О, боже мой! Но, милая моя, это смешно!

В е р о ч к а. Пусть будет смешно...

Б у к е е в (входит). Что - смешно?

(Верочка поспешно уходит.)

Б у к е е в. Что такое? Чего она убежала?

(Жан на террасе прячется за дверь.)

Н и н а. Я с ней беседовала о Якове Сергеиче.

Б у к е е в. Да. Ну, так что же?

Н и н а. Мне кажется, она увлекается немножко...

Б у к е е в (кивая на дверь Богомолова). Им?

Н и н а. Да.

Б у к е е в. Гм... (Задумался.) А - он?

Н и н а. Что?

Б у к е е в. Он тоже увлекается Верой?

Н и н а. Вам это интересно?

Б у к е е в. Нет... но...

Н и н а. Но?

Б у к е е в. Всё-таки - племянница, родственница...

Н и н а. Это ли интересуется вас?

Б у к е е в. А что ж ещё?

Н и н а. Может быть, нечто другое? Или - некто другой?

Б у к е е в. Ну... кто - другой?

Ж а н (с террасы, озабоченно). Вы не видели учёного, а?

Б у к е е в. Нет.

Ж а н. В какую щель земли провалился он?

Н и н а (подозр[ительно]). Зачем вам его?

Ж а н. Там пришли с работ.

Н и н а. Вы где были сейчас?

Ж а н. Я? Везде! Ника, надо бы, дорогой мой, решить вопрос о плотине для пруда и о барражах в овраг, а? Наш водопроводчик очень беспокоится...

Н и н а. Вы будете говорить о делах?

Ж а н. Немножко.

Н и н а. Тогда я уйду...

Б у к е е в. Чего же тут решать? Пусть строит.

Ж а н (дождавшись ухода Нины). Вовремя я пришёл?

Б у к е е в. Что?

Ж а н. Она, кажется, начинала кислый разговор?

Б у к е е в. Похоже. Скучная женщина. Да, так пускай строит... что ж...

Ж а н. Ничего не нужно строить, – к чему тебе вся эта канитель с водой, если ты решил продать имение? Ведь у тебя цель – удержать здесь его жену, и только для этого затеял ты орошение и всю чепуху?

Б у к е е в. Ну, не совсем для этого. С водой за имение дороже дадут.

Ж а н. На кой тебе чёрт – деньги!

Б у к е е в. Денег мне не нужно, это верно.

Ж а н. Вот видишь! Уговаривайся с нею и махай за границу...

Б у к е е в (расхаживая). С ней так нельзя... нельзя, брат!

Ж а н. Отчего? Почему?

Б у к е е в. Ты не понимаешь. Я, брат, серьёзно влюбился... кажется...

Ж а н. Когда ж ты влюблялся несерьёзно?

Б у к е е в. Ты сам говорил, что последняя женщина – как сороковой медведь...

Ж а н. Мало ли что я говорю! А ты – не верь. Я, брат, не хуже водопроводчика могу говорить на все темы, потому что я человек вдохновенный и фантастический. Водопроводчик говорит, что жизнь есть непрерывное движение и все мы несчастны, потому что не чувствуем этого, а всё стараемся остановить движение, уцепившись за что-нибудь, укрепив себя...

Б у к е е в (задумчиво). Опоздал я укрепиться.

Ж а н (не слушая его). Это он верно говорит. Пускай всё движется, дело и мысли. Я не знаю, что сделаю завтра, но сегодня я хочу хорошо пожить...

(Ладыгин и Богомолов с террасы.)

Л а д ы г и н. Ну и ветер!

Ж а н. Стремление, движение...

Б о г о м о л о в (с досадой). Дядя Жан, когда же привезут бетонные трубы?

Ж а н. Едут трубы!

Б о г о м о л л о в. Послушайте, – это не годится! Мы тратим бесполезно такую массу времени и денег... Никон Васильевич, – вы бы распорядились поостроже.

Б у к е е в (кивая на Жана). Это вот всё он...

Б о г о м о л л о в. За два месяца с лишком мы ничего не сделали... Если на днях не будет труб, я должен буду прекр[атить] бурение...

Ж а н. Беспок[ойный] вы человек, Яков Сергеич!

Б о г о м о л л о в. Да вы поймите – скоро пойдёт вода.

Ж а н. И прекрасно.

Б о г о м о л л о в. Вы шутите?

Б у к е е в. Ты бы, Жан, того... в самом деле...

Л а д ы г и н. Хорошо бы чаю выпить!

Ж а н. Сейчас распоряджусь...

Б о г о м о л л о в (смеясь – Букееву). Если смотреть со стороны, так вся эта затея – чужое дело для вас...

Б у к е е в. Н-да... Чужое дело? Вот вы, батенька, обо всём думаете... и говорите... А вот – скажите мне: что значит – моя жизнь? То есть не моя, Букеева, жизнь, а вообще когда человек, – вы, например, – говорите: моя жизнь!

Б о г о м о л л о в. Позвольте – не понимаю.

Б у к е е в (слегка раздражаясь). Ну – как не понять? Я говорю: моя жизнь, а – что в ней моё? Вот у меня имущество, о нём заботиться надо, а мне – лень. Или – племянница – о ней тоже надо заботиться, а я не умею... (Раздр[ажённо].) Вообще – что в моей жизни – моё? Ничего нет, кроме забот!

Л а д ы г и н (смеётся). Курьёз! Да вы раздайте имение нищим...

Б у к е е в. Я говорю серьёзно!

Л а д ы г и н. И я тоже.

Б у к е е в (Богомоллову). Ну-с? Как же?

Б о г о м о л л о в. Вы сегодня дурно настроены. А вот когда эта огромная ваша земля будет орошена, когда везде вокруг насадят сады, парки, возникнет образцовый курорт, первый в России, и когда весной всё зацветёт, заиграет на солнце, появятся в аллеях и около куртин цветов женщины, дети, – тогда вы скажете: это мною сделано...

Б у к е е в. И – только? Ну-у... Это будет через двадцать пять лет. А я хочу сейчас чего-нибудь... для себя, для одного себя, вот этого, такого вот.

Л а д ы г и н. Очень верно! Что вы скажете, философ?

Б о г о м о л л о в. Ничего не скажу. Но – если вы серьёзно говорите, это несчастье.

Б у к е е в. То-то вот и есть, что серьёзно.

Б о г о м о л л о в (убежд[ённо]). Тогда – вы несчастный человек. Для счастья необходимо чувствовать радость труда, творчества...

Б у к е е в. Мужик трудится всю жизнь, а радости – не видать в нём.

Яков Богомоллов. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Б о г о м о л л о в. Потому что его труд изнурителен, подневолен и ничтожен по результатам. Он съедает всю свою работу, и это не даёт ему возможности чувствовать себя исторической личностью, человеком, украшающим землю для радостей будущего.

Б у к е е в. Радости будущего! Какое мне дело до них?

Л а д ы г и н. Совершенно верно! Мы люди сегодняшнего дня, и – только!

Б у к е е в (упрямо встр[яхивает] головой). Нет, батенька, ваша философия – не для всех. Вот бог – для всех. Но в бога мы не верим... то есть не то что не верим, а забываем о нём. И получается у нас не жизнь, а так себе что-то... И лучше не философствовать...

Л а д ы г и н. Да. Это никого не приводит к добру. У меня был роман с курсисткой, она тоже занималась спортом, но – такая странная! – ужасно любила рассуждать.

Б о г о м о л л о в (смеясь). Как вы рассказываете!

Л а д ы г и н. Это – правда, уверяю вас! Бывало, в самые неподходящие моменты она вдруг спрашивает: "А почему ты меня любишь?" Я говорю ей: "Потому что ты женщина..."

Б у к е е в. Да. Конечно. (Усмех[ается].)

Л а д ы г и н. Но ей этого мало: "Есть, говорит, много женщин и мужчин, но почему ты любишь меня, а я – тебя?" и так далее! Ужас! Я потерпел эту философию месяца три и написал ей: "Прощай, Ирочка! В любви не философствуют, а кто занимается этим, тот – глуп!" Страшно обиделась!

Б о г о м о л л о в (хохочет]). Да – неужели?

Л а д ы г и н. Уверяю вас! Книжки ужасно портят их...

Б у к е е в (усмех[аясь]). Простой ты человек, Борис, очень я люблю тебя за это. В Харькове был жеребец – Гамилькар, кажется, – двести тысяч за него заплатили. Издох. Он, я думаю, был похож на тебя...

Л а д ы г и н. Ну, брат, – сравнил!

(Богомоллов смеётся.)

Л а д ы г и н (вдруг). Я считаю ваш смех неуместным.

Б о г о м о л л о в. Почему же?

Л а д ы г и н. Так. Мне он не нравится.

Б о г о м о л л о в. Очень жаль, но иначе смеяться я не могу.

Л а д ы г и н. Я прошу вас не смеяться.

Б о г о м о л л о в. Никогда?

Л а д ы г и н. Прошу...

Б у к е е в. Полно, Борис! Ты с ума сошёл...

Л а д ы г и н. Нет, позволь...

О л ь г а (являясь в двери комнаты). Что за крик?

Б у к е е в. Спорят.

О л ь г а. Яков! Ты споришь?

Б о г о м о л л о в. Нет.

О л ь г а (Букееву). Вы?

Б у к е е в. Вот он...

О л ь г а. С кем же?

Б о г о м о л о в. Сам с собой, очевидно.

О л ь г а. Не понимаю.

Л а д ы г и н. Видите ли, я...

О л ь г а. Да?

Л а д ы г и н. Я не допускаю, когда надо мной издеваются. (Вст[аёт], ух[одит].)

О л ь г а (нахм[урилась), удив{лённо}). Что такое?

Б о г о м о л о в. Никон Васильевич сравнил его с жеребцом.

Б у к е е в. Ну... не стоит говорить об этом. Я его сейчас успокою... Чудак тоже... [(Уходит.)]

О л ь г а. Что было здесь?

Б о г о м о л о в. Да - ничего! Я говорю: Букеев уподобил его жеребцу, это было так неожиданно, я засмеялся, а он рассердился на меня и заговорил со мной эдаким, знаешь, дуэльным тоном...

О л ь г а (под[авляя] тревогу). И - только?

Б о г о м о л о в. И только!

О л ь г а. Он такой спокойный.

Б о г о м о л о в. Как бык.

О л ь г а (после паузы). Яков, мне нужно поговорить с тобой сегодня.

Б о г о м о л о в. Чудесно. Поговорим.

О л ь г а (глад[ит] его волосы). Ты свободен вечером?

Б о г о м о л о в. Да я весь день свободен. Здесь не работают. Вообще, здесь... странно! Я думаю, и ты тоже чувствуешь это. Тебе неудобно здесь?

О л ь г а. Нет, ничего. Хотя... я, может быть, уеду...

Б о г о м о л о в. Что стесняет тебя, скажи?

О л ь г а. А как ты думаешь?

Б о г о м о л о в. Букеев?

О л ь г а. Почему?

Б о г о м о л о в. Он смотрит на тебя, как жаждущий на источник свежей воды... Какой неуклюжий человек, какой ненужный. Богат, богатство - сила, а в его руках оно - ничто! Ничего не делает, ничего не любит. И даже, кажется, себя не умеет любить.

Д у н я ш а [(входит)]. Пожалуйте к чаю...

О л ь г а. Мне не хочется идти туда...

Б о г о м о л о в. Попроси, чтобы тебе принесли.

О л ь г а. А ты идёшь?

Б о г о м о л л о в. Хочешь – останусь с тобой...

О л ь г а. Дуняша, – принесите нам сюда.

Д у н я ш а. Слушаю...

Б о г о м о л л о в. Вот и поговорим, – да? Давно я не беседовал с тобой...

О л ь г а. Да. Ты не очень ищешь этого.

Б о г о м о л л о в. Здесь не хочется серьёзно говорить, – честное слово. Это – шуточная жизнь, её делает дядя Жан, шутник. (Остановился.) Знаешь, что нужно, Ольга? Нужно, чтоб люди поняли, как они одиноки во вселенной, – только тогда их воля устремится к познанию друг друга и свяжет их единым чувством близости. Только сознавая трагизм бытия, глубоко чувствуя его тайны, мы все обернёмся друг к другу, ибо тогда нам станет понятно, что для человека нет и не может быть ничего ближе и дороже человека. Человек делает бессмертными мёртвые вещи, может быть, он со временем...

О л ь г а. Господи! Как ты прав, когда сказал, что здесь, в этом доме, не место серьёзной мысли.

Б о г о м о л л о в. Мы поставлены в мире так оскорбительно, так иронично, что нам надо отвернуться от этой иронии.

О л ь г а. Кто понимает её?

(Дуняша вносит поднос с чаем.)

О л ь г а. Люди – неразумны.

Б о г о м о л л о в. О, это неправда!

О л ь г а. Ты слеп, люди – неразумны.

Б о г о м о л л о в. Это так кажется, потому что разум каждого обращён на самого себя и мелкое, а не – в мир и на великое его...

О л ь г а. Во мне живёт неразумная сила. Я хочу бунтовать. Мне трудно. Мне всегда чего-то не хватает. Я не могу, не умею жить...

Б о г о м о л л о в. Странно ты говоришь, Ольга, это ново для меня.

О л ь г а. Разве ты меня знаешь? Ты – тоже непонятен мне. Ты вызываешь у меня желание спорить с тобой, не соглашаться. Я хочу стащить тебя на землю, чтоб ты был ближе ко мне... ах, я не знаю, чего хочу!

Б о г о м о л л о в (смотрит на неё). Может быть, ты...

О л ь г а. Влюбилась, да? Это ты хотел спросить, да? Нет, я не влюблена, но... слушай, Яков, я изменила тебе.

Б о г о м о л л о в. Нет. Не верю...

О л ь г а. Да.

Б о г о м о л л о в. Здесь?

О л ь г а. Это всё равно...

Б о г о м о л л о в. Наверное – не здесь...

О л ь г а. Почему?

Б о г о м о л л о в. Ну – с кем же здесь? (Ходит, опустя голову.)

О л ь г а. Что ты молчишь?

(Богомолов взглянул на неё молча.)

О л ь г а. Говори же...

Б о г о м о л о в (тихо). Что же я скажу тебе, друг мой, что? Я не знаю, что сказать.

О л ь г а. Разве тебе не больно?

Б о г о м о л о в (пож[имая] плеч[ами]). Ты хочешь, чтоб я кричал? (Трёт лоб.) Как, должно быть, это неудобно и противно – отдаваться двоим... наверное, один из них возбуждает брезгливость...

О л ь г а (почти кричит). Что ты говоришь?

Б о г о м о л о в. Тебе неприятно? Извини... с тобой я привык говорить обо всём, что думаю. И вот, неожиданно, я вспомнил жалобы проституток.

О л ь г а (вскочив). Противный головастик, у тебя нет души, у тебя только мозг, бессердечное насекомое...

Б о г о м о л о в. Что ты? Друг мой, – что ты...

О л ь г а. Уйди прочь!

Б о г о м о л о в. Неужели ты думаешь, что я хотел оскорбить тебя? Пойми, что это невозможно. Я столько пережил с тобой хорошего, я так благодарен тебе за это, и – ведь я тебя люблю! За что ты сердиться? (С улыбкой.) Это я должен сердиться, – ведь ты изменила мне, если это не выдумка!

О л ь г а. Нет! Это правда! (В отчаянии.) Боже мой, я ничего не понимаю!

Б о г о м о л о в. Ну, хорошо, это правда, ты изменила мне, коварная женщина.

О л ь г а. Как ты можешь шутить, как ты смеешь?

Б о г о м о л о в. Успокойся, Ольга, не кричи... В чём дело?

О л ь г а. Но – разве это не оскорбляет тебя?

Б о г о м о л о в. Не будем говорить обо мне... (Под[ошёл], положил руку на плечо ей.) Ольга, – ведь это не серьёзно, да? Ведь если бы ты полюбила кого-то... ты вела бы себя иначе? не так ли? Забудем же об этом, Ольга, если это ошибка...

О л ь г а. А если это моя месть тебе?

Б о г о м о л о в. За что?

О л ь г а. За то, что ты далеко от меня...

Б о г о м о л о в. И ты решила уйти ещё дальше? Нет, – я думаю – это не так. Я ведь знаю – ты меня любишь, я это чувствую.

О л ь г а. Как трудно с тобой! Ты точно издеваешься.

Б о г о м о л о в. Ольга, я понимаю, что быть красивой женщиной – это иногда большое несчастье. Она – сокровище, отовсюду к ней тянутся завистливые, жадные и часто грязные руки, все хотят обладать ею... я понимаю, как легко потерять себя в этой ядовитой атмосфере вождлений.

О л ь г а (в тоске). Кто говорит со мной? Человек, имеющий право любить меня, умная книга или какая-то непонятная мне идея? Я с ума сойду!

Б о г о м о л о в. Послушай же, дитя моё! Ведь я не виню тебя ни в чём...

О л ь г а. Обвини! Оскорби!

Б о г о м о л о в. Не будем говорить глупостей... Ты ошибаешься, думая, что я не страдаю. Нет, по-своему – я оскорблён, – не тобой, а пошлостью события, прости меня – случилось пошлое. Это не страшно, но мучительно, именно потому, что пошло...

О л ь г а. О, боже мой...

Б о г о м о л о в. Ты знаешь – я люблю любить, люблю самое чувство любви и умею любоваться им, – ты это знаешь. Помнишь?

О л ь г а. Да. Это было...

Б о г о м о л о в. Это всегда со мной. На всю жизнь женщина – ты останешься для меня владычицей мира, существом, от которого все племена и народы, силой, побеждающей смерть и уничтожение. Тебя ради возникло на земле всё прекрасное, от тебя вся поэзия жизни, всё для тебя – преступления и подвиги, – всё! Любовью к тебе насыщена жизнь, и пусть теперь формы любви несовершенны, грубы, но – настанет время, когда это лучшее чувство наше насытится религиозным сознанием и мы будем любить, обожая друг друга...

О л ь г а (сквозь зубы). Проклятый сказочник...

Б о г о м о л о в. Если на земле возможно счастье, оно настанет тогда, когда мы поймём величие женщины.

О л ь г а. Живёт в тебе какой-то тихий дьявол... Я не знаю – можно верить твоим словам?

Б о г о м о л о в. Надо верить, Ольга! Из всех иллюзий жизни вера самая лучшая.

О л ь г а. Всегда, за всем, что ты говоришь, я чувствую глубоко скрытую иронию. Во что ты веришь?

Б о г о м о л о в. В тебя. Верь и ты в своё назначение – одарять мир любовью, лаской, счастьем... Что есть лучше этого? Что?

О л ь г а. Я не знаю.

Б о г о м о л о в. Мы все очень бедные люди, друг мой, и нам необходимо делиться друг с другом всем, что мы имеем... (Обнимает её.) Ну, ты успокоилась немножко?

О л ь г а. Да. Ты заговорил меня... Ты точно с ребёнком говоришь со мной.

Б о г о м о л о в. Я тебя люблю...

О л ь г а. Я чувствую, что тебе жалко меня... О, господи! Где же любовь?

Б о г о м о л о в. Перестань!

О л ь г а. Почему, почему ты не спросишь, зачем я сделала это?

Б о г о м о л о в. Если хочешь – скажи.

О л ь г а. А тебе – безразлично?

Б о г о м о л о в. Не могу же я просить тебя – покайся!

О л ь г а. Если б ты любил...

Б о г о м о л о в. Ну, хорошо, – я сам стану рассказывать о тебе. Ты хотела попробовать, не разбудит ли любовник страсть мужа, да?

О л ь г а. Если бы так?

Б о г о м о л о в. Ну, – тогда это поступок отчаяния, который вызван моей небрежностью к тебе.

О л ь г а. Знаешь – ты... тебя все считают наивным человеком...

Б о г о м о л о в. Проще говоря – дураком. Милая, давай прекратим это... Ведь ты не Верочка, которая так любит психологические разговоры...

О л ь г а. И с которой ты кокетничаешь... Она тебе нравится?

Б о г о м о л о в. Мне все люди интересны, но я люблю только одного человека – тебя. Может быть, я непонятно люблю, но – лучше не умею... Вот я с наслаждением смотрю, как ты внутренне растёшь, и не хочу мешать росту самого прек[расного] на земле, что я знаю. Мы помирились?

(Ольга молча смотрит на него.)

Б о г о м о л о в. Да?

О л ь г а (обнимая). Ты умеешь успокоить душу... да, ты умеешь это... Но – твоя любовь? Нет, я не чувствую её... не чувствую!

Б о г о м о л о в. Что же мне делать? Побить тебя, как бьют мужики баб... хочешь? (Крепко об[нимает] её.)

[IV ДЕЙСТВИЕ]

Та же комната. Поздний вечер. В фонаре горит лампа, над столом люстра. В е р о ч к а в углу за столом пишет. Н и н а в кресле, Л а д ы г и н ходит, хмурый.

Н и н а. Я вхожу, а у них нежная сцена. Ах, извините!

Л а д ы г и н. Целов[аться] в проходной комнате, это – пошлость!

Н и н а. Он нисколько не смутился, представьте!

Л а д ы г и н. Дурак... А она?

Н и н а. Что?

Л а д ы г и н. Она – смутилась?

Н и н а. У неё было счастливое лицо.

Л а д ы г и н. Не понимаю.

Н и н а. Чего же не понимать? Когда женщину ласкает любимый человек, она счастлива.

Л а д ы г и н. Гм... Предоставьте мне судить об этом...

Н и н а. То есть? Что вы хотите сказать?

Л а д ы г и н. Ничего.

Н и н а (Верочке). Ах, Веруня, я забыла, что вы здесь... Вы так тихо скрипите, точно мышка. Вам неприятен этот разговор?

В е р о ч к а. Почему? Мне безразлично.

Н и н а. Вы ведь немножко увлекаетесь Богомоловым.

В е р о ч к а. Вы уверены в этом?

Н и н а. Ах, деточка, это так заметно.

Л а д ы г и н. Я, например, ничего не замечал.

Н и н а. То – вы, а то мы, женщины. Мы искреннее мужчин и всегда сразу выдаём себя...

(Ладыгин вынул револьвер из кармана, играет им.)

Н и н а. Ай, что это у вас! Спрячьте, спрячьте, - видеть не могу...

Л а д ы г и н. В нём один патрон...

Н и н а. Всё равно! Я вас прошу...

Л а д ы г и н. Извольте! Но это очень смешно...

Н и н а. Пускай будет смешно! Я не вы[но]шу этих глупых вещей. Вот так на моих глазах один кадет, дальний родственник мой, играл револьвером, да в ладонь себе - бац!

Л а д ы г и н. В ладонь? Это надо уметь!

Н и н а. В ладонь левой руки! У него потом пальцы не сгибались от этого. Вы знаете, Борис, сегодня утром я имела курьёзную беседу с Богомоловым. Я сказала ему, что он очень интересный и я скоро, кажется, влюблюсь в него.

Л а д ы г и н. Есть во что!

Н и н а. Вы слушайте! Он почти испугался, во всяком случае был очень смущён и вдруг говорит м[не], что совершенно не способен на роль любовника.

Л а д ы г и н (усм[ехаясь]). Так и сказал?

Н и н а. Ну да.

Л а д ы г и н. Вот болван.

Н и н а. И вслед за тем начал хвалить вас.

Л а д ы г и н. Меня? Он?

Н и н а. И как ещё! Вы и простой, несложный человек, у вас честное лицо...

Л а д ы г и н (хохочет). Нет - серьёзно? Честное лицо - а?

Н и н а. Как странно вы смеетесь.

Л а д ы г и н. Нет... знаете... это - трюк! Я - несложный... чёрт его возьми!

Ж а н (вход[ит]). Как приятно - здесь смеются! Вера Павловна, - вас просит Никон.

[(Верочка уходит.)]

Ж а н. Вы знаете - сегодня у нас будет музыка, приедет из города этот... ну, известный, как его?

Н и н а. Затея Ольги Борисовны, конечно?

Ж а н. Не могу знать...

Н и н а. Ну, вы-то знаете...

Л а д ы г и н. Дядя Жан, - я сегодня стрелял по бутылкам на пятьдесят шагов и попал из семнадцати тринадцать раз.

Ж а н. Поздравляю. Хоть в цирк! (Садится.)

(Дуняша входит, что-то говорит Нине.)

Н и н а. Хорошо, идите, я сейчас. Господа, Никон Васильевич просит валериановых капель.

Л а д ы г и н (хохочет). Он?

Ж а н. Вероятно, для Веры.

Н и н а (уходя). Ну, конечно, для неё.

Ж а н. Н-да-а. Начинаем плакать.

Л а д ы г и н. Глупости. Надо переменить мысли, как говорят французы.

Ж а н. Это водопроводчик вызывает слёзы.

Л а д ы г и н. Удивляюсь, как его терпит Букеев.

Ж а н. На то есть своя причина.

Л а д ы г и н. Ольга?

Ж а н. Что это вы так фамильярно?

Л а д ы г и н. Моё дело.

Ж а н. Неужели можно поздравить, а?

(Ладыгин молча усмехается.)

Ж а н. Вот как. Значит, иногда и спорт полезен.

Л а д ы г и н. Спорт, батенька, всегда полезен, этим вы не шутите.

(Никон вх[одит] хмурый, молча оглядывается.)

Ж а н. Кого ищешь?

Б у к е е в. Никого не ищу. (Кивая на дверь Богомолова.) Он дома?

Ж а н. Гулять ушёл.

Л а д ы г и н. С женой?

Ж а н. Да. В саду сидят, вероятно.

(Ладыгин идёт на террасу, смотрит в сад.)

Б у к е е в (глядя вслед Ладыгину). Вера нервничает.

Ж а н. Что с ней?

Б у к е е в. Замуж пора.

Ж а н. Н и н а Аркадьевна говорит...

Б у к е е в. Знаю, что она говорит... Я, брат, тоже, кажется, уеду куда-нибудь...

Ж а н. А как же Ольга Борисовна?

Б у к е е в. Так же. С ней ничего не выйдет.

Ж а н. Да ты сначала попробуй. Вот Ладыгин - он не дремлет! Сейчас похвастался мне успехом у неё...

начало 1910-х гг.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

Яков Богомолов. Максим Горький gorkiytaim.ru
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!